

Письмо в номер

Моя любимая артистка Елена Проклова сейчас в кино не снимается, из МХАТа, где проработала почти 20 лет, ушла. Когда телевидение показывает старые фильмы с ее участием ("Гори, гори, моя звезда", "Единственная", "Звонят, откройте дверь!" и многие другие), сердце ноет: что с ней, как сложилась ее жизнь? Почитателям актрис всегда хочется знать об их личной жизни, уж простите нас за это. Может быть, вы посоветуете Елене Прокловой написать книгу о своей жизни?

Т. КОЗЛОВСКАЯ.

Москва.

Уважаемая Т. Козловская, уважаемые читатели "РГ" — почитатели таланта известной актрисы Елены Прокловой. Елена Игоревна сейчас живет в подмосковном доме, построенном по ее проекту, с мужем и младшей дочерью. Вокруг дома — обширный участок, где с успехом реализует свои замыслы Проклова — дизайнер, агроном, цветовод. В доме множество картин, которые нарисовала Проклова-художник, и она планирует организовать свою выставку.

Можно было бы отнестись ко всему этому как к блажи, дескать, чем бы актриса ни тешилась, лишь бы была занята. Но для Прокловой все это далеко не блажь, а серьезное дело. Не случайно она оканчивает Московский архитектурный институт, выбрав специализацию по кафедре ландшафтного дизайна.

Значит ли это, что актриса перестанет быть актрисой? Ни боже мой: втайне от общественности Елена Проклова репетирует роль в новом спектакле "Табакерки".

Тот, кто прочтет недавно вышедшую книгу Елены Прокловой "В роли самой себя", откроет для себя умную собеседницу, которая строго подходит к творчеству в кино и театре.

Что же до личной жизни актрисы, то, думаем, об этом лучше всего послушать саму актрису.

Трижды любимая Елена Проклова

Рос. газета. — 1999. — 21 мая. — с. 25

— Я вышла замуж в семнадцать лет, родила дочку в девятнадцать. Главная причина здесь не в "семейной традиции" ранних браков, хотя она и есть: мама мама — в семнадцать лет, мама и папа — в те же семнадцать, я — тоже. Только моя старшая дочь немножко затормозила эту гонку, и по ее "вине" я не успела стать бабушкой раньше сорока лет, как это случилось со всеми представителями предыдущих поколений.

И все-таки традиция ни при чем. Я вышла замуж, когда училась. Если бы я действительно училась, мне было бы совсем не до замужества, совсем не до материнства. Но в очень неожиданной для себя роли молодой жены я оказалась... от нечего делать (если понимать слово "делать" как слово "работать"). Удивительно ли, что мое первое замужество оказалось неудачным и недолгим.

Мой старший брат Виктор учился в архитектурном институте и влюбился в мою подружку. Взаимность не заставила себя ждать, и они решили пожениться.

Мы с моей будущей невесткой ночами обсуждали, как и что. Однажды, когда мы в очередной раз обсуждали во всех подробностях свадебное платье, мне вдруг так захотелось тоже... платье. Для моего платья уже сами собой возникли все "условия", эти затее не хватало только цели, а вернее — предлога. Во-первых, у нас была знакомая портниха в Доме моделей. Во-вторых, в шкафу уже лежал материал — потрясающей красоты гипюр да с люрексом, купленный в комиссионке. Что еще оставалось? Только одно — стать невестой...

И как-то танцую на вечеринке, которые бывали ежедневно, я спросила у одного из множества поклонников:

— Виталь, у тебя черный костюм есть?
— А что, нужен?
— Нужен.
— Будет!
— Вот хорошо. Давай быстро, чтоб был черный костюм, потому что я за тебя выхожу замуж.
— Ч-ч-что, правда?
— Правда.
— А как родители?

(Мне же было семнадцать — несовершеннолетняя для замужества. Но долго думать я не стала).

— Не знаю. Как хочешь. Вот это ты уж бери на себя. Хочешь, чтобы я стала твоей женой?
— Леночка, это мечта всей моей жизни!
— Ну вот, а теперь ты, значит, придумывай, как им говорить.

И я тут же открываю дверь в комнату к родителям и говорю:

— Мама, папа... Я должна вам сказать, что я тоже выхожу замуж. Потому что мы не хотим больше скрывать, мы давно уже с Виталиком живем вместе.

Вот так я им "открываю правду"... Я, которую ни Виталик, ни кто-либо другой не смели еще трогать.

Родители мигом пошли в исполком, взяли разрешение. Я вышла замуж. Брат с женой были свидетелями. Они — у нас на свадьбе, мы — свидетелями у них. Но самое главное: мы с подружкой сшили себе по два платья в Доме моделей, на первый и второй день. Длинные.

Историю замужества я рассказала, теперь, естественно, на очереди история развода. Виталик был очень семейным. Он ревновал меня к теат-

ру, к ролям. Запрещал мне целоваться на сцене, а я играла в спектакле "Валентин и Валентина". Это уже вконец меня подружило. Был поставлен ультиматум:

— Или я, или театр!
— Театр!
Одним словом, все отрезала, взяла ребенка и уехала.

Знакомство с Александром Дерябиным состоялось лет за десять до брака — и вот каким образом. Тогда у меня разворачивался роман совсем с другим человеком. В один из дней мой кавалер выдвинул идею:

— Вечером сегодня пойдем в гости к одному моему другу. Он прекрасный певец, человек просто замечательный, и компания там тоже будет вся такая, в общем интересная.

Пришли, с кем-то познакомили, кого-то представили. Мы же с моим кавалером были заняты только сами собой.

А как только я вернулась домой — звонок:

— Здравствуйте, это Саша Дерябин! Вы были сегодня у меня в гостях.
— Да? А я вас не помню.

— Лена, я влюблен в вас. Это очень серьезно, и вы никуда от меня не денетесь.

— Ну все, хватит! Я просто кладу трубку, продолжение последовало только через 10 лет. У моей Ариши открылась язва двенадцатиперстной кишки, я ее лечила таблетками, антибиотиками, и как-то раз жена Евгения Евстигнеева сказала мне в театре:

— Есть доктор-Бог, который лечит травами. Он творит чудеса, он Аришку обязательно вылечит.

И мы поехали. На лестнице в подъезде до четвертого этажа — очередь. Мы прошли мимо, позвонили. Нам открыл мужчина, высокий такой, красивый.

И вдруг он, бум-с, падает на колени:
— Лена! Это ты! Ты пришла ко мне!
И, не вставая, объяснил:

— Эту женщину я люблю уже десять лет.

У Дерябина головокружительная биография.

Когда-то в молодости он работал на шахте в Донбассе. Потом стал певцом, и притом известным, выступал в Москов-

ской филармонии, его брали в Большой театр. В промежутке между нашей первой и второй встречами Саша очень сильно заболел, у него начался туберкулез легких и быстро вошел в последнюю стадию, с сердцем тоже стало совсем плохо. Его вылечил доктор Караваев, и Саша стал его учеником и последователем. Только он пошел в своем направлении, у него появились собственные разработки. Когда я стала лучше понимать, что за жизнь теперь у Саши, это была уже наша общая жизнь, в которой мне приходилось то и дело кого-то пользоваться Сашиними препаратами, мазями.

Больше всего меня злило, что Александр никогда не мог меня нормально встретить с гастролей, с фестивалей, словом, из всех моих странствий. Я, допустим, возвращалась через «Внуково» — он с цветами дежурил в «Шереметьеве». Если мой поезд приходил на Киевский вокзал — Саша, держа букет, встречал поезда на Курском. Это была фатальная закономерность, но вовсе не она стала причиной того, что мы с Сашей расстались.

Мы ждали счастья, а случилось совсем наоборот. Мы ждали появления на свет ребенка, даже двоих, мне об этом сказали заранее. Но дети умерли, едва родившись... И потом вся остальная наша с Александром совместная жизнь кончилась почти так же стремительно, как началась. Вот как будто была вода в колодце — и вдруг ее не стало. Ушла, вышла, иссякла.

Со смертью детей нарушились все мои прежние связи в жизни. Шок был слишком силен. Я грузила и грузила себя всякими проблемами, меня просто завалили работой, актерским трудом — бесконечными вводами, репетициями, учением ролей. Я уходила из дома с утра и приходила около полуночи. Но оставались ночи... Одиночество было таким, что это становилось катастрофой. Наконец, какой-то выход я нашла для себя в том, чтобы заботиться о брате. Мы жили с ним вместе всего около месяца. И на тот звонок в дверь вышла я. Надо сказать, вышла, пребывая отнюдь не в лучших чувствах (но выглядела, как потом было сказано, неплохо). Я была одета для выступления — черные брюки-галифе, черная блуза, яркий цветок на ней: собиралась ехать на творческий вечер, кажется, в Ногинск.

Он позвонил. Я открыла. Он сказал:
— Извините, я не знаю, как вас зовут... Я к Виктору. Он дома?
— Дома, проходите.

Зазвонил телефон. Я сняла трубку.

— Извините. Это звонят из Дворца культуры, давайте перенесем вечер на другое время.

Судьба — судьба — судьбою — о судьбе. Узнав, что мне никуда не надо ехать, мужская часть нашей стихийно сложившейся компании решила гулять. Мы сидели

ли за столом, смеялись, болтали о том о сем.

— У меня, ребята, в Ленинграде лежат деньги. Гонорар за последние съемки, около тысячи рублей. А никак не найду двенадцать рублей на билет, чтобы съездить, получить. И перебиваюсь тут не знаю как, вся в долгах.

А гость наш тут же возьмется и спросит:
— Хотите, на машине съездим?
— Хочу! Когда?
— Да хоть завтра. Проснетесь в шесть часов?

— Запросто!
— Машина будет у подъезда.
В шесть утра звонок:
— Едем?
— Вы? А я думала... Извините... Нет, мы, конечно, едем, едем!
И мы поехали.

...Собираясь идти с Андреем под венец, в церковь, я своими руками готовила венчалное платье. Связала его, обвенчалась, а потом распустила. На это раз платье было не целью, а

Актриса всерьез увлеклась живописью.

средством и символом происходящего события. Это событие, однажды случившись, уже не могло иметь вариантов, не могло быть отменено, переиграно, забыто. И потому это платье не могло быть ни сделано чужими руками, ни наде-то дважды.

Кроме радости, веселого любопытства, общих забот и хлопот нас с Андреем связало совместное горе. Был ребенок, сын, которого на восьмой день после рождения не стало. Казалось бы, снова разверзлась пропасть — и страшнее, чем в первый раз, заглатывая теперь не одну меня, а нас обоих. Что было делать? Ждать, что за потерей ребенка последует, как это уже было, полный крах всего?

Но Андрей взял на свои плечи больше, чем я. Я тогда узнала, как можно чувствовать себя спасаемой — спасенной! — в горе.

Теперь я не мыслю себя в одиночестве, без Андрея, переживающей какую-то беду. И теперь я знаю наконец, зачем они нужны, мужчины... У женщин нет этой их силы. В какие бы горячие избы мы ни входили, кого бы там на скаку ни останавливали... Мужчинам свыше дано оберегать и охранять тех, кто слабее духом. Жаль, правда, что на эту данность свыше способны все-таки немногие из них.

Елена Проклова с внучкой и дочкой.